

СИГМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА В ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В архаической латыни есть формы глагола на -sō типа faxō, capsō, которые чужды глагольной системе латинского языка с характерной для нее группировкой видо-временных и модальных форм вокруг основ инфекта и перфекта. Специфическое периферийное положение этих форм в языке обнаруживается на морфологическом уровне в независимости их основ от основ инфекта и перфекта (например, faxō в отличие от faciō — fēci), а в плане синтаксиса проявляется в том, что они не имеют в латинском языке свойственной только им сферы употребления, но дублируют в своем функционировании формы будущего (чаще перфективного будущего) и конъюнктива.

В современной лингвистике нет одной общепризнанной теории происхождения сигматических форм глагола как в итальянских языках, так и рамках более широкого единства итало-кельтских языков и индоевропейских языков вообще. Доминирует теория, которая рассматривает формы типа faxō как сигматическое будущее, развившееся из конъюнктива сигматического аориста, подобно гр. δεῖξω и оск.-умб. fust „erit“ > *fuse-ti¹. Но она встречает серьезные возражения со стороны ряда лингвистов, доказывавших независимость сигматического будущего от аориста². Несколько иной вариант этой теории предлагает Е. Курлович, рассматривая сигматическое будущее-конъюнктив как единую и.е.-категорию, развившуюся из иньюнктива сигматического аориста. Распространена также гипотеза о происхождении латинского сигматического будущего из и.-е. дезидератива³. Напротив группа французских лингвистов Мейе, Тома, Эрну⁴, считает, что элемент -s- в формах

¹ F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut und Formenlehre, Heidelberg, 1948, 524; Leumann—Hofmann—Szantyr, Lateinische Grammatik, (1963), 343; O Szemerényi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, 266; W. Cowgill, Language, 39, 260.

² W. Schulze, Kleine Schriften, Göttingen 1966, 103; H. Pedersen, Les formes sigmatiques du verbe latin et le problème du futur indo-européen, København, 1921; E. Benveniste, Les futurs et subjonctifs sigmatiques du latin archaïque, BSL, 23, 37.

³ E. Benveniste, cit. op.

⁴ A. Meillet, Esquisse d'une histoire de la langue latine, Paris, 1933, p. 24; F. Thomas, Recherches sur le subjonctif latin, Paris, 1938; A. Ernout- F. Thomas, Syntaxe latine, Paris, 1951, p. 207.

типа *faxō* не является специальной характеристикой аориста или дезидератива, но образует основу, независимую от всех прочих основ глагола, поэтому тип конъюнктивы на -s-, сохранившийся в итало-кельтских языках, является более древним, чем индо-иранский и греческий конъюнктивы и оптативы, которые связаны с глагольными основами индикатива. Но против генетического единства латинских сигматических образований с кельтским конъюнктивом на -s- выступил К. Уоткинс⁵, утверждая что дистрибуция конъюнктивы на -s- в кельтском (образуется главным образом от корней на гуттуральные и дентальные согласные) и его атематический характер устраняет возможность сравнения его с латинским типом *faxō*, и что вообще наличие конъюнктивы на -s- и конъюнктивы на -ā- в кельтском и латинском является не общим наследием, а исторической случайностью.

Таким образом, спорным является и происхождение и соотношение латинского типа *faxō* с сигматическими формами в других и.-е. языках. Между тем недостаточно исследованы связи латинских форм с сигматическими образованиями в других италийских языках, главным образом в оско-умбрском, где широко представлены формы сигматического будущего, так наз. будущего I с суффиксом -s-, es- и будущего II суффиксом -us-. Обычно отмечается генетическая общность латинских форм только с оско-умб. будущем I, например, *fust* „*erit*“, для которого реконструируется более древняя форма **fu-se-ti*⁶. В будущем же II видят или перифрастическую структуру, состоящую из перфектного причастия активного залога на -us- и конъюнктива глагола „*быть*“, например, *benus* > *ben-us-ses,⁷ или считается, что суффикс -us- возник под влиянием употребительной в оско-умбрском формы *fust*⁸. Однако анализ синтаксического употребления лат. форм типа *faxō* и оско-умб. сигматического будущего показывает удивительное сходство функций лат. форм и оско-умб. будущего II. Очень ясно это обнаруживается в условных предложениях, то-есть в том типе предложений, где сигматические формы засвидетельствованы в наиболее архаичных италийских надписях. Вот два параллельных примера из латинского текста закона о священной роще и оскского текста Бантийского закона: CIL I 366, I 10 *sei quis aruorsu hac faxit [in] ium / quis uolet... manum iniect[i]o estod seiae/ mac[i] teratus uolet moltare / [li]cetod; Ve 2, II suaepis contrud exei fefacust auti comono hipust molto etanto estud n.o o inim suaepis ionc fortis meddis multaum herest... licitud „siquis contra hoc fecerit*

⁵ C. Watkins, Italo-Celtic revisited, „Ancient Indo-European Dialects“, Berkeley and Los Angeles, 1966, p. 41.

⁶ F. Sommer, cit. op. 524; Leumann—Hofmann—Szantyr, cit. op. 326, 343.

⁷ C. D. Buck, Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte, deutsch von E. Prokosch, Heidelberg, 1905, p. 110; G. Bottiglioni, Manuale dei dialetti italici, Bologna, 1954, p. 138.

⁸ V. Pisani, Le lingue dell' Italia antica oltre il latino, Torino, 1953, p. 64.

aut comitia habuerit, multa tanta esto: n. MM. Et si quis eum fortius magistratus multare volet... liceto⁹. Оба текста очень близки по смыслу и по структуре: в первом условном предложении говорится о действии, направленном против закона, которое возможно, но не связано с каким-либо другим действием или событием, а представляет собой чистую возможность. Формой выражения этой абстрактной возможности в латинском тексте является конъюнктив на -s- faxit, а в оссском тексте будущее II gefacust. Во втором же условном предложении сообщается о таком действии, возможность которого обусловлена, которое вполне вероятно, если состоится первое действие, и здесь в обоих текстах одинаково употреблена форма будущего I uolet и herest. Та же по ледательность форм отмечается в древнем же инском тексте закона об ощественных мерах веса lex Silia de ponderibus publicis (Fest. p. 288 L) Si quis magistratus aduersus hac d(olo)m(alo) pondera modiosque usaque publica modica minora maioraue faxit iussitue fieri columue adduit, quo ea fiant, eum quis uolet magistratus multare... liceto. Ср. также lex agraria CIL I 585,25; lex municipii Tarentini CIL I 590 I 34; Tabula Bantina 17, 19, 25. Таким образом, функционально, как средство выражения чистой возможности действия в будущем, латинский конъюнктив на -s- тождествен осс.-о-умбрскому будущему II. Но поскольку будущее I на -s-, -es- в условном предложении отличается от будущего II на -us- лишь степенью выражения того же смысла („возможность обусловленная, связанная“ в отличие от „чистой возможности“), то общее модальное значение возможности можно считать древнейшим грамматическим значением всех этих сигматических форм, арх. лат. конъюнктива на -s- и осс.-умб. будущего на -s-, -es-, -us-.

В плане морфологии также наблюдается ряд общих черт, свойственных как лат. конъюнктиву на -s-, так и осс.-умб. будущему I и II: независимость их основ от основ инфекта и перфекта, образование непосредственно от корня, краткость корневого вокализма, общность сигматического форманта. Конечно, не все эти признаки сигматических образований могут быть обнаружены у всех осс.-умб. глаголов, а только у наиболее древних. Так осс.-умб. fust „erit, fuerit“, furent „erunt, fuerint“ образованы от кратковокалического корня *fu- (<и.-е.*bhū-) и не связаны ни с перфектной основой, ср. осс. fufens „fuerunt“, ни с презентной основой, ср. осс. -umbr. est, sent. Зато структурно формы fu-s-t, fu-r-ent соотносятся с модальными формами: с императивом осс.-умб. fu-tu, арх. лат. fu и арх. лат. конъюнктивом fu-a-t, которые так же представляют вполне автономные образования, независимые от презенса морфологически и семантически (по значению fuat ближе к fiat, чем к sit).

⁹ Walde—Hofmann I, 630; A. Ernout, Le dialecte ombrien, Paris, 1961, p. 84.

Умб. формы будущего II *habus*, „habuerit“, *haburent*, „habuerint“ не имеют никакой связи с перфектной основой, если она действительно содержится в композите умб. *eitipes*, „dēcrēvērunt“ из *a ketom hēpens или в форме *cehefi*, представляющей, по мнению Э. Феттера¹⁰, перфект конъюнкта страдательного залога *-hēfi(r)* от варианта корня **haf-* (ср. оск. *hip-us* < **hēp-*) с превербом *ce-*. С другой стороны, наблюдается соответствие в модели построения между умб. будущим II *habus*, *habure:t* и формой конъюнктива на *-ā-*, сохранившейся в древнеумбрском в составе энклитической группы *nei:habas*, „ne adhibeant“ (отрицание *nei* + преверб *a:f* < *ad + конъюнктив *habas*). Форма *-habas* образована непосредственно от кратковокалического корня и относится к тому же архаичному типу конъюнктива, как лат. *advenat*, *attigas*. Морфологическая корреляция, отмеченная между умб. будущим II *habus* и конъюнктивом *-habas*, между оск.-умб. *fust* и арх. лат. *fuat*, обнаруживается также между вольск. *atahus*, „attigerit“ и марруц. *ta[h]a*, „tangat“, между умб. *benus*, „vēneris“ и арх. лат. *advenat* (ср. *veniō* : *vēni*). Так как образование конъюнктива с суффиксом *-ā-* непосредственно от корня вне зависимости от основы инфекта и перфекта является очень древней особенностью итальянского глагола, не менее древним должен быть и тип корреляции этого конъюнктива с будущим II.

Умбрские формы будущего II *fakus*, „fēcerit“, *fakurent*, „fēcerint“ образованы непосредственно от кратковокалического корня **fak-* и стоят, очевидно, в одном ряду с умб. *habus*, *haburent*. Перфектная же основа этого глагола образуется в итальянских языках либо путем редупликации, ср. *пренест*. *Fhe:Faked*. оск. *fefacust*, *fefacid*, либо путем продления корневого гласного, ср. лат. *fēci*.

К морфологическому ряду *habus*, *fakust* может быть присоединено также оск. будущее II *dicust*, „dixerit“ которое является корневым образованием с нулевой степенью вокализма, отличающимся как от основы презенса, где налицо полная степень вокализма, ср. инфинитив оск. *deīkum*, так и от основы перфекта, имеющей нормальную для корня структуры ТeT редупликацию, ср. будущее II умб. *dersicust* < *dedicust.

Автономностью своей основы и независимостью от основ инфекта и перфекта отличается не только будущее II некоторых глаголов, но и будущее I. Так в противоположность формам презенса индикатива оск. *fi:et*, *fi:et*, „fi:unt“, в которых выделяется та же основа *fi:<i.-e.* **bhu:i-*, как и в лат. атематических формах *fi:s*, *fi:mus*, будущее I умб. *fuiest* имеет другой вариант основы *fui:<i.-e.* **bhu:i-*. Такую же основу показывает конъюнктив умб. *fui:a*. В словаре Вальде-Гофманна¹¹ для форм с основой **bhu:i-* реконструируется особая форма презенса **bhu:io*, параллелью к которой служат греч. φύω, лесб. φύω, др. инд. भीयाते. Но в том, что касается основ на *-ī-*, материал древнегреческого и

¹⁰ E. Vetter, Handbuch der italischen Dialekte, Heidelberg, 1953, p. 237.

¹¹ Walde—Hofmann, I, 504.

древнеиндийского не показателен, так как в этих языках представлены только тематические основы на *-io-*, тогда как в итальянских языках, как и в балто-славянских, различаются основы на *-i-* и *-i-* /наряду с отдельными тематическими формами на *-io-*¹². Поэтому можно думать, что альтернация основ с долгим и кратким *i* в исходе, соответствующая аблautному чередованию внутри корня (**bhū-i-/*bhu-i-*) связана не с дублетными формами презенса, но служит морфологическому противопоставлению презенса индикатива конъюнктиву на *-ā-* и сигматическому будущему.

Морфологически выделены формы косвенных наклонений и сигматического будущего также в глаголе со значением „давать, преподносить“. В итальянских языках в этом значении употребляются наряду с формами содержащими простой и.е. корень **dō-/də-*, также формы, имеющие корень с расширением **doç-*. Примечательно, что во всех итальянских языках этот расширенный корень имеет модальные формы (конъюнкт в на *-ā-*, оптатив на *-i-*, императив) и сигматическое будущее в отличие от презенса и перфекта индикатива, образованных от простого корня. В архаической латыни это — *d ās*, *duim*, *duīs*, в других итальянских языках налицо два ряда форм от основ различающихся ступенями аблautного чередования в корне и основообразующем гласном: *doç-i-* и **dū-i->di-*: Praes. Conj. fal. *douiad*, Impt. u. *pur-douitu*, *pur-tuvitū* Fut. I u. *pur-tuvies*; Praes. Conj. u. *dia*, Fut. II u. *pur-tiūus* (ср. Pf. Ind. fal. *por-ded*). Следует обратить внимание на то, что в обоих рядах наблюдается одинаковое соотношение конъюнктива на *-ā-* с сигматическим будущим, но в одном ряду это будущее I, а в другом — будущее II: *doui-a-d:* (*pur)-tuvī-es<*-doui-es = di-a:* (*pur)-tii-us*.

Если сопоставить эту пропорцию с отмеченной выше количественной формой будущего II с конъюнктивом на *-ā-* (умб. *habus* : *-habas*, вольж. *a-ta-hus* : *mapp*, *ta[h]a*, умб. *benns*, о.к. *ce-bnust* : арх. лат. *ad-venat*, оск.-умб. *fust* : арх. лат. *fuat*), то неизбежным становится вывод о том что категории будущее I и будущее II должны быть близки между собой, чтобы они могли находиться в одинаковом морфологическом соотношении с конъюнктивом на *-ā-*. С другой стороны, наблюдается у некоторых древнейших глаголов расхождение между синонимич. будущ.го (I и II) и соответствующими основами презенса и перфекта (умб. *fakust* : прен. *Fhe* : *Fhaked*, умб. *habust* : оск. *lipid*, оск.-умб. *fust* : оск. *fufens*, умб. *fuiest* : оск. *fiet*, умб. *pur-tiūus* : фал. *po-ded*) позволяет утверждать, что в итальянских языках сохранились следы более древней организации глагольных форм, когда будущее I и II не входили в системы инфекта и перфекта, как это имело место в классическом латинском языке и в более позднем оскско-умбрском, но вместе с конъюнктивом на *-ā-* составляли отдельную систему, независимую от презенса и перфекта индикатива.

¹² Leumann—Hofmann—Szantyr, cit. op. 321.

Поскольку важнейшие морфологические признаки: автономность основы, краткий корневой вокализм, сигматический суффикс, и древнейшая синтаксическая функция выражения возможности действия объединяют не только будущее I и будущее II, но и арх. лат. конъюнктив типа *faxō*, то можно предполагать, что обе формации сигматического будущего происходят из общечитайского конъюнктива на -s-. Но в одной весьма существенной морфологической характеристике — типе флексии — итальянские и латинские сигматические образования расходятся, так как латинские формы являются тематическими: *faxō -is -it -imus -itis*, только 3 мн. ч. -int, тогда как итальянские формы тематического гласного не содержат: *benus, benust, fust, furent*, где окончание 3 мн. ч. -ent может рассматриваться как древнее и.-е. атематическое окончание. Исторически такое расхождение может объясняться двояко: синкопой тематического гласного в оскско-умбрском или позднейшей тематизацией форм в латинском языке. Большинство лингвистов прошлого и настоящего времени признает значительно большее распространение синкопы в оскско-умбрском, чем в латинском языке, и к этому общему явлению относят также синкопу тематического гласного в глаголе. Против этого взгляда решительно выступал Х. Педерсен¹³, доказывая древность атематических оскско-умбрских форм сигматического будущего. В настоящее время позицию Х. Педерсена поддерживает Е. Курилович и Х. Бенедиктссон¹⁴, специально изучавший условия синкопы в оскско-умбрском и пришедший к выводу, что в словоформах определенной силлабической структуры с кратким предпоследним слогом фонетически была невозможна синкопа в конечном слоге между согласными s и t и между s и s, то есть формы типа оск. *emest, umb. ferest, benus, benust* были атематическими. Но в таком случае есть все основания считать, что в латинском конъюнктиве на -s- тематизация форм была вторичной и в своем древнейшем статусе он также, как итальянское сигматическое будущее, имел атематическую флексию.

Таким образом, древний сигматический конъюнктив характеризовался независимостью своей основы от глагольных основ индикатива, присоединением форманта -s- непосредственно к кратковокалическому корню (у некоторых глаголов, сохраняющих и.-е. ablaut, это — корень с нулевой степенью вокализма) и атематической флексией. Наблюдаемая в итальянских языках морфологическая корреляция форм сигматического будущего (I и II) с конъюнктивом на -ā-, генетически и.-е. оптативом, позволяет реконструировать в общечитайском особую независимую от индикатива систему косвенных наклонений, основными единицами кото-

¹³ H. Pedersen, *Les formes sigmatiques du verbe latin et le problème du futur indo-européen*, København, 1921.

¹⁴ J. Kurylowicz, *The inflectional categories of Indo-European*, Heidelberg, 1964, p. 115; H. Benediktsson. The vowel syncope in Oscan—Umbrian, „Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap“, Bd. 19, p. 231, 234.

рой были конъюнктив на -s- со значением возможности и оптатив на -ā- со значением желательности действия.

В общих своих чертах эта система может быть сопоставлена с кельтской системой косвенных наклонений, так же представленной конъюнктивом на -s- и конъюнктивом на -ā-. Конъюнктив на -s-, хорошо известный в древнеирландском¹⁵, имеет те же характерные особенности образования, как в итальянском: I) атематическую флексию, сохранившуюся в 3 ед. ч. активного залога, например, téis (*tiag-* „идти“) < *tēssi < *tēss-ti, и во 2 и 3 ед. ч. депоненса: fe(i)sser, ‘festar (*ro fitir* „знает“); 2) присоединение суффикса -s- к конечному согласному корня независимо от презентной основы, например, guidim “прошу“ : 2 ед. ч. конъюнктива geiss, laigid „лежит“ : less-, for ding „подавляет“: dēss-; 3) краткость корневого вокализма, которую подтверждают наиболее своеобразные образования др.-ирл. глагола — энклитические формы конъюнктива на -s-, которые содержат один лишь начальный согласный корня при утрате остальной части основы, что возможно только в том случае, если корневой гласный был этимологически краток, например, aingid „защищает“, основа конъюнктива aness-, энклитическая же форма 3 ед. ч. -ain, t-in-fet „вдувает“: ‘t-ini-b, mligid „до и т“: du-in-mail (<*-m]).

В какой-то степени сходны были и пути дальнейшего развития конъюнктива на -s-, давшего в итальянских и кельтских языках начало сигматическому будущему, в древнейших своих формах полностью совпадавшему с конъюнктивом на -s-. В кельтском это были формы сигматического будущего семи глаголов, как laigid „лежит“ : less-, saidid „сидит“ : sess-, rethid „бежит“: ress-. Но и обычные в древнеирландском формы сигматического будущего отличаются от соответствующих форм конъюнктива только начальной редупликацией. В итальянских языках след такого редуплицированного будущего представляет, возможно, др.-умб. форма 3 ед. ч. (или мн. ч.) fefure „fueri(n)t“ при обычных формах fust, furent. Нормальный же путь формирования сигматического будущего в итальянских языках был связан с усложнением суффикса, проходившим параллельно развитию новых грамматических значений, и использованием ступеней абраутного чередования в суффиксе: -*s/es/os-, из которых первые два были закреплены за будущим I, а последний в графической форме -us- за будущим II.

Москва.

Б. Ходорковская.

¹⁵ R. Thurneysen, Handbuch des Altirischen, I. Heidelberg, 1909, p. 363, 367; H. Pedersen, Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, II, Göttingen, 1913, p. 355.

¹⁶ R. Thurneysen, Zum indo-germ. und griech. Futurum IF, 38, 145.